

О НARRАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА В РОМАНЕ АБДУЛЛЫ КАДЫРИ «МИНУВШИЕ ДНИ»

<https://doi.org/10.24412/2181-1784-2025-26-424-434>

Вань Хайсун

Доктор филологии, Профессор
Институт зарубежной литературы КАОН
wanhaisong@sina.com

Аннотация: Роман «Минувшие дни», созданный узбекским писателем Абдуллой Кадыри, является выдающимся произведением среднеазиатской литературы и признан основополагающим произведением реалистической литературы Узбекистана. В этом романе, описывающем печальную любовную историю, автор включает множество писем. Эпистолярные тексты не только выполняют функцию передачи информации и эмоций, но и наполнены драматизмом, способствующим развитию сюжета. Конкретный анализ типов и функций повествования эпистолярных текстов в «Минувших днях» позволяет обнаружить, что движущей силой этого реалистического романа является овеществление эмоций, истории и памяти в конкретных письмах, делающее культурную память видимой, ощутимой и передаваемой.

Ключевые слова: Абдулла Кадыри, роман «Минувшие дни», эпистолярный текст, реалистический стиль, культурная память.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Государственного фонда социальных наук (КНР) (Обычный проект № 19BW042 «Изучение эпистолярного текста в творчестве Ф.М. Достоевского»).

Введение

Абдулла Кадыри (1894-1938) — выдающийся среднеазиатский писатель, крупнейший представитель узбекской литературы первой половины XX века, основатель реалистического направления в узбекской литературе. Несмотря на то, что писатель был репрессирован во время массовых сталинских репрессий и tragически погиб, его короткая жизнь была насыщена творчеством и оказалась плодотворной. Среди его произведений — роман «Скорпион из алтаря» (1928), повести «Распутник», «Несчастный жених», «Абид Кетмен», а также рассказ «Битва с джиннами».

Как известно из «Слов автора», работа над романом «Минувшие дни»

была завершена в 1926 году, однако точные дата и место первой публикации неизвестны. Его первый перевод на китайский язык был выполнен китайской исследовательницей Ди Сяоя и опубликован в декабре 2019 года издательством Китайской академии общественных наук в Пекине. Кроме того, существует более ранний перевод на уйгурский язык под названием «В минувшие годы» (Урумчи: Синьцзянское народное издательство, первое издание — январь 1982 года, переиздание — январь 2008 года). В этом переводе имя автора указано как (Узбекский) Абдулла Кадыри (Abdulla Qodiriy, A Qadiriy), при этом переводчик не указан.

Основой сюжета романа «Минувшие дни» служит история борьбы за власть в Кокандском ханстве XIX века. Центральной линией становится любовная история и несчастливая судьба главного героя — молодого аристократа Атабека. В романе ярко отражены местные обычаи и традиции Средней Азии, а также подчеркнуты благородство и стремление к добру главных персонажей. Таким образом, всё произведение пронизано идеей о неразрывной связи семьи и родины, где благополучие малой семьи невозможно без процветания большой страны.

I. Любовный роман и эпистолярный жанр

«Минувшие дни» являются не только вершиной литературного творчества Абдуллы Кадыри, но и признаны первым реалистическим романом в узбекской литературе. Роман состоит из трёх частей: первая часть включает 23 главы, вторая — 17 глав, третья — 17 глав, и завершается кратким эпилогом. В переводе на китайский язык его объём составляет около 300 тысяч иероглифов. В предисловии «Слово автора» писатель разъясняет причину или первоначальный замысел создания этого романа, движущую силу новаторства: «Часто говорят, что, начиная новое дело, следует оглядываться на прошлое, чтобы достичь успеха. Поэтому я и хочу рассказать историю прошлого. Рассказать о недавнем прошлом, об одном из самых мрачных периодов истории в конце существования ханства» (Кадыри, с.2).

Этот роман отличается от упомянутых в начале произведений писателей-предшественников, таких как «Тахир и Зухра», «Фархад и Ширин», «Бахрам Гур» и «Четыре дервиша», которые в большинстве своём сосредоточены на любовной тематике, используя историю страны в качестве размытого фона. Однако их общая черта очевидна: главными героями являются лица, близкие к высшей власти в месте развития событий, а испытания их характера и качеств происходят через перипетии сюжета, связанные с браком, любовью, дворцовыми интригами и расприями, что позволяет выделить их дух и судьбу. Именно потому, что роман повествует о любовной трагедии главных героев,

его называют «узбекскими “Ромео и Джульеттой”» (Новости, 20230809).

Хотя повествовательная манера романа имеет некоторые нововведения и изменения в деталях, в целом она всё же не полностью отходит от пространственно-временной структуры авантюристо-приключенческого романа, берущей начало в древнегреческом и римском романе. Советский литературовед Михаил Бахтин указывал, что в истории развития литературы греческий роман рано начал использовать письма. «Греческий роман частично использовал и обыденные формы общения, например, письма» (Бахтин, с.379). По его мнению, греческий роман является истоком истории развития европейского романа. Что касается взаимосвязи романа и письма, греческий роман вводил письма для усиления достоверности авантюристического романа; в этом отношении письмо схоже с так называемой «автобиографией» или самоописанием, повествующим о легендах авантюристов или выскочек, и по сути является средством усиления литературного эффекта в раннем авантюристо-испытательном романе, поскольку его структурная модель и циклическое время не полностью отражают социальные противоречия и не раскрывают знаки или приметы времени.

Самая основная, первоначальная практическая функция письма — это общение: передача информации, обмен чувствами, психологическое взаимодействие и так далее. Однако, как только письмо попадает в роман, или одно или несколько писем превращаются в эпистолярный роман, природа письма меняется: из приватной оно становится публичным, а в его достоверности появляется примесь вымысла. Хотя изменения произошли, его основной облик при беглом взгляде читателя всё же кажется реальным или как бы реальным; иными словами, читатель в основном принимает контекст, создаваемый эпистолярным текстом в романе или эпистолярным романом, и временно признаёт его или их происходящими из жизненной реальности.

М. Бахтин отмечал, что письма, включённые в текст романа, часто обладают притягательностью, возбуждающей у читателя желание подглядывать. Он отметит: «В отличие от публичной жизни, та сугубо приватная жизнь, которая вошла в роман, по природе своей закрыта. Ее, по существу, можно только *подсмотреть* и *подслушать*. Литература приватной жизни есть, по существу, литература подсматривания и подслушивания — «как другие живут». Или ее можно раскрыть и опубликовать в уголовном процессе, или прямо вводя в роман уголовный процесс (и формы сыска и следствия), а в приватную жизнь — уголовные преступления; или косвенно и условно (в полускрытой форме), используя формы свидетельских показаний, признаний подсудимых, судебных документов, улик, следственных догадок и

т. п. Наконец, могут быть использованы и те формы приватного сообщения и самораскрытия, которые вырабатываются в самой приватной жизни и в быту, — частное письмо, интимный дневник, исповедь.» (Бахтин, с.379, курсив его)

Что касается романов, вводящих эпистолярный жанр, особенно любовных романов, в классификации Бахтина они по большей части относятся к любовным идиллическим романам, поскольку рассказываемые в них любовные истории разворачиваются в основном в неизменном месте, а время зачастую течёт в круговороте смены сезонов и повторения поколений. В них «историческое время в конечном счёте не сливается с личностной жизненной серией», а сосредоточенный на любви сюжет и сюжет с историческими личностями «...переплетаются, не сливаюсь, ...» (Бахтин, с.465).

Многочисленные письма в романе сохраняют мысли, чувства и социальные взаимодействия главных героев в определённый период времени. Читатель же получает доступ к срезу конкретной эпохи, к архиву коллективного менталитета определённого социального слоя. Письмо — это материальный, осязаемый носитель эмоций. В повествовании потеря, перехват, задержка или сожжение письма часто становятся ключевым поворотным пунктом,двигающим сюжет вперёд.

II. Типы эпистолярных текстов в романе «Минувшие дни»

В романе «Минувшие дни» письма, как способ повествования, рассказывающий историю и фиксирующий архив, наряду с воспоминаниями, документами и историческими фактами, становятся неотъемлемой частью исторического фона и развития сюжета произведения.

Во-первых, роман умело использует письма для изложения предыстории событий и схематично очерчивает облика и характеров персонажей. Отношение к разным письмам, то есть к разным авторам и содержанию их сообщений, позволяет очертить основные черты получателя — изменения или различия в выражении лица, словах, поступках и внутренних переживаниях могут изображать характер получателя. Например, три письма, полученные фактическим правителем Коканда Мусульманкулом: первое, обвинительное, он разрывает; второе — благодарственное и хвалебное письмо от правителя Оша, его зятя, на деле являющееся лестью и угодливостью; третье — клеветническое письмо (написанное Хамидом от имени «неспособного защитить себя скитальца»), обвиняющее визиря Мусульманкула Юсуфбека-ходжи, с целью замять историю с незавершённым смертным приговором Атабеку и другим, вынесенным бывшим правителем Маргилана Удабаем из-за доверия к односторонней информации.

Во-вторых, основная функция письма — коммуникативная — многократно используется в романе, что свидетельствует о знакомстве и зависимости писателя с эпистолярным жанром и его функциями. В древности, когда информация не могла передаваться своевременно и эффективно, письма были самым действенным способом общения. Основная функция писем — прямо передавать распоряжения или мысли отправителя; когда имелся посыльный для доставки и передачи письма, письменное сообщение часто оказывалось надёжнее и формальнее устной передачи. В таких случаях письменное слово превосходило устные пересказы по достоверности. Например, Нармухаммед, после того как его войско долго не могло взять Ташкент, был вынужден отступить; Хасанналы, как ташкентский связной, передал написанное им письмо своему тестю Мусульманкулу с призывом к возвращающимся участникам похода вернуться в Ташкент и вместе с населением и войсками, выступающими против правящих властей, свергнуть правление Азизбека.

В то же время писатель осознаёт, что, в отличие от диалога при личном общении, письма позволяют, по разным причинам, выбирать выгодный способ изложения и удобное содержание, поскольку в письмах часто можно высказать то, что трудно или неудобно сказать при личной встрече. Передача информации через письмо позволяет избежать неловкости или иных неблагоприятных ситуаций при встрече, а также позволяет отправителю намеренно смещать акценты, давая приоритетное описание того, что он считает важным. Например, письмо Юсуфбека-ходжи, написанное по просьбе жены своему свату Куддидору, с просьбой разрешить им устроить в Ташкенте женитьбу Атабека на второй жене, Зайнап, и пригласить Куддидора на эту свадьбу (Кадыри, с.138-139).

В-третьих, письма как самостоятельный элемент сюжета и нарративное средство, вмешивающееся в развитие сюжета, весьма распространены в романистике. Письма могут заранее или своевременно вмешиваться в развитие сюжетных линий, прерывать, изменять или даже обращать вспять первоначально заданное направление развития сюжета. Например, спасение Кумш своего оклеветанного новобрачного мужа Атабека и отца Куддидора (Кадыри, с.92). Отправка и получение спасительного письма являются необходимым элементом для вмешательства в заданный ход событий, иначе спасение и вмешательство окажутся неэффективными. Например, срочное письмо Юсуфбека-ходжи и Нармухаммеда с целью спасти Атабека (Кадыри, с.108).

В-четвёртых, как только письмо попадает в роман, его первоначальная

достоверность неизбежно смешивается с определённой степенью вымысла; если это не письмо в современном романе, намеренно разоблачающее себя как поддельное, то достоверность эпистолярного текста в обычном романе представляется своего рода условной договорённостью, заранее принятой автором и читателем. Письма подготавливают почву и заранее раскрывают читателю линию о предстоящих неизвестных событиях. В романе «Минувшие дни» примерами писем, условно принимаемых за подлинные, являются, среди прочего, письмо-предупреждение отца Юсуфбека-ходжи сыну Атабеку (Часть I, Глава 6).

В-пятых, поскольку существуют так называемые подлинные письма, существуют и ложные, поддельные письма. Фальшивые письма обычно создаются автором романа в попытке изменить направление сюжета, углубить недопонимание получателя относительно предполагаемого автора письма, прекратить или обратить вспятьлинию сюжета, изначально принадлежавшего их истории. Особенно когда обманутая сторона не утруждает себя личной проверкой или выяснением обстоятельств, сюжет может резко повернуть в направлении, противоположном первоначально намеченному. Например, поддельное письмо в романе, написанное от имени Атабека его жене Кумш с требованием расторгнуть брак(Кадыри, сс.168-171). В результате Кумш приняла его за правду. Несогласованность и внутренняя противоречивость между развитием сюжета письменной истории и основной сюжетной линией романа, например, тон и психология поддельного письма во многом не соответствуют предполагаемому автору; однако получатель, находясь под влиянием искажённых чувств унижения и обиды, совершенно не замечает подделки и не удосуживается проверить и сопоставить факты.

Именно поэтому недопонимание, вызванное письмами, и письма, вызванные недопониманием, становятся обычным явлением в описании любовных историй. Любовные письма также являются распространённым особым типом писем; если одна из сторон любит слишком сильно, то из-за сильной тоски она склонна чрезмерно упрекать партнёра за малейшее отклонение от обычной нормы в поведении. Если получатель временно не понимает ситуации и продолжает интерпретировать действия другого, исходя из обычных стандартов или психологии общения с людьми своего пола, это легко порождает письма, полные подозрений, и может даже усугубить недопонимание или предвзятость. В «Минувших днях» Атабек, женившись во второй раз, задерживается в Ташкенте и долго не возвращается в Маргилан; его первая жена Кумш, изнывая от тоски, пишет мужу письмо с упрёками, называя его «неверным предателем» (Кадыри, сс.163-164). Ответное письмо

Атабека — искреннее, от всего сердца, подлинное письмо, в котором он выражает свою неизменную любовь к Кумш и предполагает, что та, находясь в болезненных страданиях от догадок и ревности, написала то самое обвинительное письмо (Кадыри, сс.175-176).

Разумеется, писем в романе «Минувшие дни» великое множество, но их типы не выходят за пределы вышеперечисленных. Писатель использует письма главным образом для построения сюжета, не стремясь существенно расширить их функцию за пределы информационного и эмоционального обмена. И это, в свою очередь, является отражением того, что, находясь на рубеже эпох и пройдя литературные курсы (1923-1925) в Москве, основанные Брюсовым, где он учился у мастеров-модернистов, его творчество, тем не менее, не испытывало влияния модернистских стилей Серебряного века русской литературы и считается принадлежащим к реалистическому направлению.

III. Эпистолярный текст и культурная память в реалистическом романе

Реалистический стиль романа «Минувшие дни» также весьма отчётливо проявляется благодаря многократному использованию эпистолярных текстов. Например, это видно в заимствовании и творческом использовании исторических фактов, появлении «закадрового голоса» автора, а также в том, что в эпилоге сообщается о гибели Атабека в бою с царскими войсками близ Алма-Аты(?) после того, как он простился с родными краями и своим болезненным прошлым. Эта информация также доносится до читателя через короткое письмо, которое, пройдя через несколько рук, в конечном счёте попадает к его отцу.

Однако нет жёсткой обязательной связи между реалистическим стилем романа и использованием эпистолярного жанра, поскольку модернистские и постмодернистские романы также часто используют эпистолярное повествование. По мнению Бахтина, для романного жанра авторская позиция в основе своей отсутствует, поскольку использование различных материалов в романе является практически произвольным действием автора. Он указал то, что для писателя, «Можно опубликовать свой истинный дневник и назвать его романом; можно опубликовать под тем же названием пачку деловых документов, можно опубликовать частные письма (роман в письмах), можно опубликовать рукопись, «неизвестно кем и неизвестно для чего написанную и неизвестно где и кем найденную»»(Бахтин, с.413). С нашей же точки зрения, появление и расцвет эпистолярного жанра в романе — не случайный выбор литературной техники; между ним, реалистической позицией автора и теорией культурной памяти, по-видимому, существует определённая глубокая

и внутренняя симбиотическая связь.

Во-первых, эпистолярный жанр служит техническим фундаментом позиции автора как писателя-реалиста. Ключом реалистической позиции автора является стремление к предполагаемой достоверности, попытка объективно и точно отразить социальную реальность и сложность человеческого опыта. Эпистолярный жанр со своей естественной формой предоставляет идеальную техническую поддержку для этой цели. Благодаря углублению внутренней перспективы и психологической достоверности, он непосредственно погружает читателя во внутренний мир персонажа через «внутренний монолог» от первого лица, раскрывая его самые сокровенные чувства, противоречия, расчёты и уязвимости. Это раскрытие изнутри значительно углубляет «чувство достоверности» и объёмность характеров.

Эпистолярный текст также, благодаря субъективной достоверности, способствует размыванию нарративного авторитета, поскольку письма в романе обычно состоят из множества писем разных персонажей, создавая тем самым «многоголосое» полифоническое повествование. Каждый пишущий описывает одно и то же событие с собственной позиции, интересов и чувств, что неизбежно приводит к взаимным противоречиям, дополнениям или исправлениям в изложении «истины». В этот момент автор, кажется, перестаёт играть роль всеведущего бога, отходя на задний план и передавая право суждения читателю. Эта относительность и неопределённость повествования как раз и являются высокой степенью имитации сложности реального мира, важным признаком зрелости реализма. Кроме того, будь то эпистолярный роман или эпистолярные тексты в романе, именно благодаря описанию социального коллектива и личных чувств в их содержании, они выстраивают базовые единицы правдоподобного мира. Эта тщательная проработка материального мира также является типичной чертой реалистической литературы.

Во-вторых, эпистолярный жанр может служить носителем и конструктором культурной памяти. Теория культурной памяти, представленная такими теоретиками, как Ян Ассман и Алейда Ассман, утверждает, что каждая социальная группа сохраняет и передаёт знания о прошлом, обладающие формирующей идентичность силой, через определённые медиа (текст, ритуалы, памятники и т.д.). Письмо в романе как раз и играет роль такого микро-медиа.

Письмо как нарратив памяти может способствовать превращению романа в культурную память, достигая коллективного чувства идентичности. Согласно точке зрения Яна Ассмана, память обычно делится на

индивидуальную память, коммуникативную память и культурную память. Индивидуальная память — это конкретная и кратковременная память каждого человека, в то время как коммуникативная память — это обычно охватывающий около восьмидесяти лет, разделяемый современниками опыт трёх-четырёх поколений, а культурная память — это относительно фиксированные, передаваемые из поколения в поколение ментальные символы и механизмы, которые в основном записываются экспертами, такими как историки и писатели (Ян Ассман, с.11). Венгерский учёный-нарратолог Янош Ласло (János László), развивая идеи Яна Ассмана, дальше указывает, что некоторая коммуникативная память также может постепенно развиваться в историко-культурную память общества. Он говорит: «Недавние события не только становятся частью актуального социального общения и развиваются в сторону канонической формы культурной памяти, но и истории, погребённые в культурной памяти столетия назад, также могут время от времени подвергаться пересмотру и изменению, часто без предоставления новых доказательств или документов» (Янош Ласло, с.210). Янош Ласло также считает, что, хотя роман является распространённым и законным жанром нарратива, его повествование о исторических событиях часто сталкивается с вопросами о достоверности, тем не менее, роман остаётся культурной конструкцией и социальной репрезентацией коллективной памяти.

Наконец, реалистическая позиция и культурная память могут пересекаться и возвышаться, поскольку их отношения не являются простым соположением, а представляют собой взаимное проникновение и усиление. Реалистическая позиция обеспечивает «достоверность» культурной памяти. Именно потому, что эпистолярный жанр создаёт сильную психологическую достоверность и достоверность деталей, та «память», которую он несёт, кажется столь подлинной и трогательной, обладает убедительностью и силой воздействия. Без поддержки реалистической техники письмо было бы просто пустым литературным трюком, а его функция как носителя памяти была бы значительно ослаблена. Измерение культурной памяти, в свою очередь, повышает историческую глубину реализма. Если реализм ограничивается изображением сиюминутных поверхностных явлений, он легко скатывается к поверхностности. Когда же эпистолярному жанру придаётся функция носителя и конструирования культурной памяти, роман перестаёт быть просто историей личной судьбы и становится «театром памяти» эпохи, класса или культуры. Он связывает личные истории с масштабными историческими процессами и социальным настроением, тем самым осуществляя переход реалистической литературы от «изображения реальности» к «вскрытию

истории».

Таким образом, появление эпистолярного жанра в романе представляет собой идеальное соответствие литературной формы и идейного содержания. На техническом уровне, благодаря своей внутренней природе, субъективности и вниманию к деталям, он становится мощным инструментом для реализации реалистической позиции автора, значительно усиливая достоверность и сложность повествования. На культурном уровне, благодаря своим архивным, материальным и диалогическим свойствам, он выступает в роли носителя и конструктора культурной памяти, делая роман важным медиумом для сохранения, передачи и осмысления коллективного опыта.

Как видно из вышеизложенного, что эпистолярный роман и эпистолярные тексты в художественной литературе представляют собой не только важную веху в истории развития реалистической литературы, но и глубокую культурную практику. Имитируя самый личный способ общения, они в конечном счёте достигают наиболее мощного описания публичной истории и коллективной памяти. В этом смысле письма, лежащие в романе, являются одновременно и светильником, озаряющим внутренний мир персонажей, и призмой, отражающей целую эпоху.

Следующий роман Абдуллоя Кадыри, «Скорпион из алтаря» (1928), написанный спустя два года после завершения «Минувших дней», уже начинает использовать значительно меньше эпистолярных текстов, отдавая предпочтение диалогам между персонажами для раскрытия их душевных прозрений и эмоциональных борьб, а также для отражения светских нравов и настроений в период заката Кокандского ханства. Хотя «Скорпион из алтаря» также является реалистическим романом, сосредоточенным в основном на любовной истории, решительный путь главной героини Норы, вставшей в конце концов на путь борьбы с судьбой, указывает на зарождение движения за раскрепощение женщин в Средней Азии, поскольку эти смелые женщины стремились выражать свои мысли и чувства напрямую, говорить от своего имени своими собственными словами и поступками, а не полагаться на передачу и пересказ через эпистолярные тексты. Само собой разумеется, что как устный диалог, так и письменное слово, обращённое в письмо, в романе в равной степени являются носителями культурной памяти.

ЛИТЕРАТУРА:

- [1] Абдулла Кадыри. Минувшие дни. Роман / Пер. с узб. Ди Сяося. Пекин: Издательство Китайской академии общественных наук, 2019.
- [2] «Переводная монография, выполненная преподавателем нашего

института, была передана Посольством Китая в Узбекистане в Мемориальный дом-музей Абдуллы Кадыри этой страны» // Новости Института русского языка Сычуаньского университета иностранных языков, 9 августа 2023 г. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzUyMTAxODI1OQ==&mid=2247497652&idx=1&sn=512963f4c3fa3729e8541ce0930af516&chksm=f9e33948ce94b05ec6c6003de31ae42d48beba7375035d86b86f5df2e048a2d63aa06162e281&scene=27 (дата обращения: 05.11.2024)

[3] М. М. Бахтин. Формы времени и хронотопа в романе // Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012.

[4] Ян Ассман. «Коммуникативная память и культурная память» / Пер. с нем. Гуань Сяоци // Академический обмен. 2017(№ 1).

[5] Янош Ласло. Наука о историях: Введение в нарративную психологию / Пер. с англ. Чжэн Цзяньхун, Чэнь Цзяньвэнь, Хэ Умин и др. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2018.